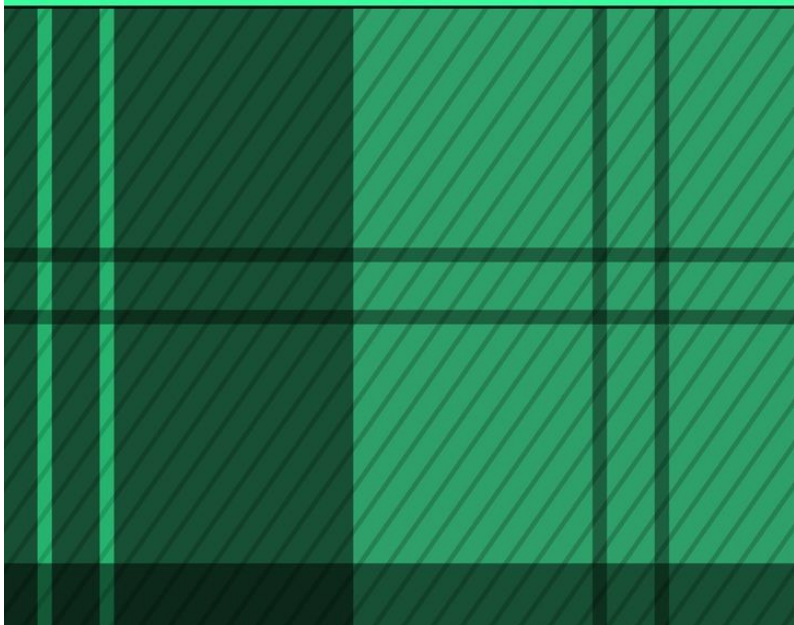

Сергей Степанов-Прошельцев

Люди такие разные

Сергей Павлович Степанов-Прошелец
Люди такие разные.
Записки газетчика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51786969

ISBN 9785449850331

Аннотация

За долгую журналистскую жизнь мне довелось встречаться и с людьми известными, и вроде бы неприметными. И у каждого из них свой характер, своя биография...

Содержание

ТРИ РУБЛЯ НА ВЕРЕВОЧКЕ	5
ОБЩАГА НА ДОБРОЛЮБОВА	8
ЭПАТАЖ	11
ВСТРЕЧА БЫЛА КОРОТКА	19
ЗА НЕДЕЛЮ ДО ГИБЕЛИ	26
ВЫЛИТЫЙ ВАСЯ	31
ТРУДНАЯ АРИЯ	33
СТИХОТВОРНЫЕ ПАСКВИЛИ	35
КОМЕНДАНТША	42
ЧТО-ТО ВРОДЕ МЯСОРУБКИ	46
ИСТОРИЯ ТАБАКЕРКИ	53
СТРАШНАЯ МЕСТЬ	58
ЛУННАЯ СОНАТА	60
ОНИ НЕ ВЕРИЛИ	63
БЛОХА, НО НЕ ПО ЛЕСКОВУ	69
ГЕОРГИЙ МИРОНЕНКО	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Люди такие разные Записки газетчика

Сергей Павлович
Степанов-Прошельцев

© Сергей Павлович Степанов-Прошельцев, 2020

ISBN 978-5-4498-5033-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Работа в газете – это, прежде всего, встречи с людьми.

Людьми самыми разными, со своими неповторимыми характеристиками, своими заморочками. Их было много таких встреч.

ТРИ РУБЛЯ НА ВЕРЕВОЧКЕ

Ещё в школе я писал заметки в ставропольскую газету «Молодой ленинец». Там же публиковались и мои первые стихи. Когда я принёс свои новые творения в редакцию, мне сказали, что вирши отнюдь не газетные, а журнальные. И посоветовали показать их писателям.

Редакция альманаха «Ставрополье» находилась в этом же здании. Там сидел какой-то человек, который, как он объяснил, не имеет никакого отношения к альманаху.

– Андрей Максимович сейчас находится дома, – сказал он. И дал мне его адрес.

Андрей Максимович Исаков был тогда ответственным секретарём альманаха. Я читал его стихи, но они не произвели на меня никакого впечатления, как и стихи всех других тогдашних ставропольских мэтров.

Я сначала не хотел идти к нему – не хотел, чтобы свой вердикт по поводу моих опусов выносил человек, который пишет рифмованной прозой. Но потом всё-таки пошёл. Мне стало интересно узнать, что этот человек из себя представляет. Поднялся на третий этаж, позвонил. Услышал чьи-то шаги. Меня долго рассматривали в глазок, но не открыли.

Я услышал, что хозяин квартиры уходит, и позвонил ещё раз. Снова – шаркающие шаги. Под дверь просунулась бумага. На ней было написано: *«Обойди дом с другой стороны,*

я спущу тебе три рубля на верёвочке, купи бутылку водки и позвони в квартиру ниже этажом. Этот человек, его зовут Пётр Иосифович, откроет мою квартиру».

Я не понимал, к чему такая конспирация, но выполнил все указания Андрея Максимовича. Я выглядел старше своих лет, и водку мне продали.

Сосед Исакова, Пётр Иосифович, внимательно меня оглядев, спросил:

– Ты не из нашего дома?

– Нет, – ответил я.

– А, ты, наверное, из станицы Родниковской? Ты кем доводишься Андрею Максимовичу?

– Никем, – сказал я. – Я стихи ему принёс.

Пётр Иосифович был сильно разочарован. Потом я узнал, что корни Исакова были в этой станице, и к нему часто приезжали родственники. Они привозили продукты, часть которых перепала и его соседу. Так как Исаков сильно пил, жена закрывала его в квартире и уходила на работу. Она не знала, что у соседа точно такой же замок, и он может открыть дверь своим ключом, что он и делал, но только при условии, если бутылку они распивали вместе с Андреем Максимовичем. Супруга же Исакова так и не могла понять, почему её благоверный, несмотря на закрытую дверь, каждый раз навеселе.

Андрей Максимович показался мне глубоким стариком, хотя ему было немногим больше 60 лет. Он принимал уча-

стие в Гражданской войне, а потом случайным образом познакомился с известным учёным Отто Юльевичем Шмидтом. Тот помог Иакову поступить на литературный факультет педагогического института в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ).

Застал он и Великую Отечественную, был фронтовым корреспондентом. На войне погиб, причём погиб при освобождения Ставрополя, его друг Иван Булкин, тоже причислявший себя к поэтам.

Исаков был человеком с хитринкой. Но о своем творчестве сказал прямо:

– Знаешь, то, что я написал, – туфта. Сам себя убеждал не раз бросить это дело, а не могу, втянулся. Да и печатают, деньги идут какие-никакие.

Мои стихи произвели на него большое впечатление.

– Бог талантом тебя не обидел, – похвалил он меня. – Береги его, не разменивай по мелочам.

Увы, не внял я его совету.

ОБЩАГА НА ДОБРОЛЮБОВА

Я поехал в Москву поступать в институт. Экзамены сдал на одни пятерки, но по конкурсу не прошёл – тогда преимущественным правом зачисления при равенстве баллов пользовались те, кто имел производственный стаж. У меня его не было.

В Москве я задержался. Попал в общежитие Литинститута на улице Добролюбова вместе с кем-то из абитуриентов. За каким дьяволом, мы поехали туда, я уже не помню.

Это жёлтое семиэтажное здание было построено где-то в конце 50-х годов. Но выглядело оно непрезентабельно. Внутри тоже не было порядка. По паркету на пятом этаже пытался кататься пьяный парень на лыжах. У него это не получалось, и он то и дело падал.

Я так и не понял, кто составлял контингент общежития. Скорее всего, тоже абитура, потому что у студентов были каникулы. Но не берусь утверждать это на сто процентов.

Комната, куда мы постучались, была грязной, все вещи раскиданы. Разбитое окно заткнуто подушкой. За столом сидели два мужика – им было на вид под сорок. Оба густо заросшие щетиной.

Нам пришлось ждать того, к кому мы пришли, – его послали в магазин за очередной бутылкой. Но мы принесли свою, и предложили хозяевам выпить. Те с радостью согласились.

Тут дверь открылась и появился ещё один жилец – его представили как классика узбекской литературы. Но он пить с нами отказался. Пошарил в своей тумбочке, достал флакон одеколона и схватил стакан со стола, намереваясь вылить в него его содержимое.

Но стакан у него отняли.

– Завязывай, Айдар, – сказал один из «ощетиненных», – на тебя стаканов не напасёшься. Как ни возьмёшь какой, «Тройным» одеколоном воняет. Пей из горлышка.

– Так оно же узкое, – оправдывался Айдар.

– — А ты раскрути посильнее посуду, – вразумляли его. – Быстрее пойдёт.

Айдар опустошил флакон и завалился спать. Храпел он очень музыкально.

Пока мы допивали принесённую нами бутылку, пришёл «гонец». И не один. С ним был ещё какой-то скуластый мужчина, тоже гораздо старше нас.

– Шукшин, – сказал он, протягивая мне руку.

Мне эта фамилия тогда ни о чём не говорила, хотя она уже была на слуху. Годом раньше на экраны вышел фильм Шукшина «Живёт такой парень», в журнале «Сибирские огни» печатался роман «Любавины». Но я не видел фильма и романа не читал и подумал, что это – очередной «классик узбекской литературы». К тому же новый знакомый был изрядно пьян.

– Вот оформляю свой развод с Викой, – объяснил он своё

состояние.

Только потом стало понятно, что Вика – это Виктория Софронова, которая в феврале 1965 года родила от Шукшина дочь Катю. Шукшин приглашал нас в Свиблово, где он недавно получил квартиру, чтобы продолжить пьянку. Но туда мы не поехали. Так мы избежали скандала – много времени спустя я узнал, что практически каждая попойка Василия Шукшина кончалась мордобитием. Он бросил пить то ли в 1968-м, то ли в 1969-м году...

Позже мне попало на глаза стихотворение Александра Воронина, посвящённое общаге литинститута. Он очень точно описал то, что там творилось:

*На Добролюбова спокойно,
что удивления достойно.*

*Должно быть, пьянствуют пристойно
на всех прожжённых этажах.*

*Молчанье в коридорах бродит,
и ничего не происходит,
но этот дом, в каком-то роде,
как злая брага на дрожжах».*

ЭПАТАЖ

Как-то в интервью Наталье Горбаневской Бродский сказал следующее: «Безусловно, Вознесенский, Евтушенко – это люди, которые бросают камни в разрешённом направлении, не то чтобы в заранее указанном, я не хочу так дурно о них думать, но, в общем, это люди, которые создают видимость существования литературы».

Я был знаком с Петром Везиным, который называл себя «главным шкелетом республики». В своём романе «Опрокинутый Олимп» он писал примерно то же самое: «Евтушенко нельзя было не восторгаться. Тем более в те времена, когда он, практически первый, начал, как я сегодня могу позволить себе выразиться, вполне сексуальные отношения с советской властью. Он делал вид, что безумно её любит, она делала вид, что любит его и возлагает на него большие, как на Маяковского, свои конкретные надежды». И, наверное, это справедливо.

Обменялись лишь парой слов

В 1968 году после службы в армии я приехал в Москву – поступать в полиграфический институт. В Белокаменной у меня было много друзей. Главным образом – выходцев из Ставрополя, где меня знали. Я печатался в молодежной газете, в альманахе «Ставрополье», а в 1967 году в Ставро-

польском книжном издательстве вышла книжка. Я тогда ещё служил.

Один из моих друзей, сокурсник Николая Рубцова, Вадим Поляков, учился в литинституте. Я нашёл его, и мы встретились.

Я тогда не знал, что Вадим имеет какие-то отношения с Самиздатом. Да и он на эту тему не распространялся. Но во время нашей встречи сказал, что ему надо позвонить.

Мы сидели в летнем кафе, и он направился к телефонной будке. Позвонил и вернулся.

– Знаешь, – сказал он, – скоро сюда приедет Лидия Чуковская, дочь Корнея Чуковского.

Я про неё ничего не знал.

– Это вообще человек уникальный, – объяснил Вадим. – Первый раз её арестовали еще в 1926 году за антисоветскую пропаганду. В 1937 году расстреляли ее мужа, физика-теоретика Матвея Петровича Бронштейна. Её саму не тронули из-за заступничества отца. Потом она выступала в поддержку Бродского, Синявского, Даниэля, Гинзбурга...

Мы договорить не успели. Из такси вышли совершенно седая женщина и... Евгений Евтушенко. Его я сразу узнал. Одет он был очень неординарно. Я бы сказал – пижонисто: какие-то широченные брезентовые штаны, рубашка навыпуск, шейный платок, бейсболка.

Вадим нас познакомил.

– Это – начинающий поэт из Ставрополя, – представил он

меня.

Евтушенко поинтересовался:

– Где твои стихи можно почитать?

Вот, собственно, и всё общение. Чуковская, Евтушенко и Вадим заторопились по каким-то своим неотложным делам, но прежде, чем проститься, Лидия Корнеевна пригласила меня к себе на дачу в Переделкино:

– Приходите завтра. Евгений Александрович будет у нас читать свои стихи.

Придти я не смог – в это день сдавал свой первый экзамен. Только много лет спустя, читая опубликованные дневниковые записи Корнея Чуковского, я наткнулся на такие строки: *«Был Евтушенко... читал вдохновенные стихи... Читал так артистично, что я ждал, что вместе со мною нет ещё десяти тысяч человек, которые блаженствовали бы вместе».*

Но мне, кстати, манера исполнения стихов Евтушенко не нравилась. Это выглядело как-то жеманно.

Игра угадай-ка

Раньше из Теберды в Абхазию вела Военно-Сухумская дорога, проложенная ещё во второй половине девятнадцатого века. Однако землетрясения, обвалы и оползни со временем прервали регулярное транспортное сообщение. Оставалась только пешая тропа.

Маршрут был сложный. Но он пользовался большой популярностью у туристов и у журналистов Карачаево-Черке-

сии. Конечный его пункт находился в абхазском селе Чхалта, откуда до Сухуми можно было добраться на рейсовом автобусе.

И вот мы (нас было четверо) в столице Абхазии. И здесь узнаём, что в селении Агудзера (в 12 километрах южнее Сухуми) отдыхают на своих дачах Евгений Евтушенко и Константин Симонов.

Про этот дачный район мы кое-что слышали. Знали, что там находится пансионат «Литературной газеты», дачи Нодара Думбадзе, Георгия Гулиа. Но про дачу Евтушенко слышали впервые.

– Ему её Шеварнадзе подарил, – пояснил хозяин кафе в Сухуми. – Это у нас в Грузии самый богатый человек.

Игорь Косач, мой коллега, сразу же предложил взять быка за рога:

– А давайте к Евтушенко в гости нагрянем. Заодно и интервью возьмём.

Вскоре мы воплотили задуманное в жизнь. Купили кобьяк в виде рога, фрукты и отправились в Агудзеру. Место это очень живописное. Пальмы, мелкий, как мука тончайшего помола, песок на пляже, оригинальной архитектуры храм пророка Илии. Есть свой рынок, магазины, почта, кафе, ресторан в бамбуковой роще... Даже в разгар лета там не было душливой жары, а с пляжей открывалась панорама Сухумской бухты.

Евтушенко принял нас радушно. Он был в китайском

шёлковом халате. Его семилетний сын Петя сразу же оседлал самого высокого из нас Анатолия Подопригору и буквально с него не слезал. А вот тогдашняя супруга Евтушенко, Галина, выглядела какой-то букой, не проронила ни слова.

– Я её у Михаила Луконина увёл, – похвалился Евтушенко. – Живём уже четырнадцать лет, страшно даже подумать. Она из-за моих «левых» закидонов вены себе резала...

Зачем Евтушенко говорил это незнакомым людям, непонятно. Нам всем стало как-то не по себе. Это было сказано ещё и при ребенке. Спустя много лет я узнал, что Галина взяла Петеньку из детского дома.

Недаром говорили, что Евтушенко склонен к эпатажу. Повертев в руках наш подарок в виде рога, он сказал:

– Коньяк не пью, предпочитаю грузинские вина. – И пригласил нас в винный погребок.

Когда мы гурьбой спустились туда, Евтушенко повернулся к нам спиной и возжелал, чтобы мы проверили его дегустаторские способности.

Мы стали наливать ему вина из разных бутылок, и он безошибочно угадывал не только марку вина, но и его «возраст». При этом читал стихи, посвященные винам:

*Ненавязчиво вас пожалевши,
сладость мягкую даст «Оджалеши»...*

Или

*В «Цинандали» кислинка хрустальна,
как слезы человеческой тайна...*

Дегустация продолжалась долго и порядком нам надоела. Мы же рассчитывали на общение в другом формате. Но Евтушенко был занят исключительно собой. Никто другой его не интересовал.

Первым свое раздражение выплеснул Косач.

– Мы хотим поблагодарить вас, Евгений Александрович, за приём, – сказал он. – Но мы, пожалуй, отклоняемся. Есть дела, много дел. Да и пообедать надо.

Намёк был весьма прозрачный. Но Евтушенко то ли сделал вид, что ничего не понял, то ли не понял действительно.

– Заходите, – сказал он. – Всегда буду рад.

На этом мы и распрощались. Интервью так и не взяли.

– Может, теперь к Симонову заглянем? – сказал я.

Все молчали, как на похоронах.

– Издеваешься, что ли? – вопросом на вопрос ответил Косач.

Багдати

И, наконец, третья встреча. Она состоялась на родине Маяковского в поселке Багдати недалеко от Кутаиси, куда я был послан в командировку для освещения праздничных мероприятий в связи с днем рождения поэта – тогда ежегодно проводились Дни Маяковского.

Я впервые видел Кутаиси и приехал сюда на несколько дней раньше. Ознакомился с местными достопримечательностями: Храмом Баграта, Гелатским монастырем, монасты-

рем Моцамета. Побывал и в знаменитых пещерах Сатаплии, которые находились на территории государственного заповедника. Вернее, только в одной – доступ в другие был закрыт. Но и то, что я увидел, меня поразило. Разноцветные, необычной формы сталактиты и сталагмиты, озерцо с кристально чистой водой, а вблизи пещер – окаменевшие следы динозавров...

В Кутаиси собралось много известных деятелей культуры: кинорежиссеры Тенгиз Абуладзе и Реваз Чхеидзе, оперные певцы Маквала Касрашвили и Зураб Анджапаридзе, большая группа русских писателей и деятелей искусств. Кое у кого мне посчастливилось взять интервью. С Евтушенко я не виделся. Но говорили, что он здесь, в Кутаиси.

Все эти встречи сопровождались обильными возлияниями – грузины в то время иначе гостей не встречали. Потом всё это плавно перетекло в поселок Багдати. Здесь мы и встретились с Евгением Александровичем.

Надо отдать должное Евтушенко, он меня узнал.

– Читал твое стихотворение, не помню где, кажется, в «Звезде», – сказал он. – Не шедевр, конечно, но вполне...

Тут его кто-то отвлек, и Евтушенко, не договорив, ушёл. Больше пообщаться нам не довелось. Поэт остался верен себе. Он демонстрировал свои способности в угадывании марок вин.

Стихи его, посвященные Маяковскому, мне показались откровенно слабыми:

*Что до тех, кто правы и сердиты,
он жив – и только. Нет за ним вины.
Я воспою его. А вы судите.
Вам по ночам другие снятся сны...*

***

За несколько лет до своей смерти Евтушенко приезжал в Агудзеру. Дачи там его больше нет – её сожгли во время грузино-абхазской войны 1992—1993 годов. Но он договорился с местной администрацией о её восстановлении. Не за свой, естественно, счет.

Этот визит вызвал массу критики как со стороны грузин, так и со стороны абхазов. Первые обвиняли Евтушенко в том, что он не защищает грузин, которые были вынуждены покинуть места своего постоянного жительства, а вторые – в том, что он и пальцем не шевельнул, чтобы добиться признания независимости Абхазии. Что сейчас делается там, честное слово, не знаю.

ВСТРЕЧА БЫЛА КОРОТКА

Он ворвался в мою жизнь штормовым ветром, ревушим в корабельных снастях, совершенно не похожим на других своей неповторимой манерой исполнения, усиленной горловым «эр» и обилием глаголов они всегда преобладали над существительными. А самое главное – песни его были «нелакрированными» в отличие от тех, что звучали тогда с эстрады.

«Верхи» его не любили. Боялись, что взбаламутит сонное болото, в которое погрузилась страна.

Как замполит пленки замылил

Всенародная известность пришла к Высоцкому после выхода на экраны фильма «Вертикаль». Я служил тогда в армии. И по дивизионному радио вечерами крутили исключительно только песни Высоцкого.

Но магнитофонные ленты вскоре затерли до дыр. А когда появились новые песни (поклонники барда тиражировали их во всех городах и весях бывшего Союза), дивизионное радио неожиданно замолчало. Впрочем, следствие продолжалось недолго. Замполит Протопопов громогласно объявил, что пленки изъял он сам и больше не потерпит, чтобы по радио звучали блатные песни.

– У нас советская армия, а не тюремная камера, – ска-

зал он

Напрасно убеждали Протопопова, что «блатной цикл» Высоцкого – это всего лишь пародия, что не надо путать героев его песен с ним самим, но замполит, похоже, не знал, что такое пародия. Он потрясал номером газеты «Советская Россия», в котором сообщалось, что на концерты Владимира

Высоцкого в Куйбышеве (ныне Самаре) 14 тысяч человек (по тем меркам, колоссальная цифра) пришли лишь затем, чтобы послушать песни, которые *«распевают во время пьянок»*. В один голос ругали певца, набравшего неслыханную популярность, «Комсомолка», «Советская культура», другие издания. Даже такие, совершенно «правильные» песни, как «Братские могилы», подвергались зубодробительной критике. Человека просто травили и нигде не печатали. Но – странное дело! – песни его можно было услышать чуть ли не в каждом доме.

Здравствуйте – всем!

В 1968 году я поступил в Московский полиграфический институт на заочное отделение. Первая сессия была в мае следующего года. И я, приехав в столицу, начал с того, что разыскал своего друга Славу Крашенинникова, который учился в Московском авиационном институте.

Слава сразу меня огорошил.

– Хочешь Высоцкого вживую увидеть? – спросил он. И, не давая возможности что-то ответить, продолжил: – Сего-

дня вечером пообещал у нас выступить.

Было это так. Студенты нашли номер телефона квартиры, где жил Высоцкий после развода с Людмилой Абрамовой. Позвонили. Предлагали деньги, которые собрали вскладчину, но бард заявил, что с бедных студентов ничего брать не будет. Дескать, сам такой. Концертная ставка у него всего 11 рублей 50 копеек.

– А как насчет стакана водки? – спросил главный переговорщик из студпрофкома.

Высоцкий рассмеялся:

– Ну что ж, не откажусь.

К шести часам вечера актовый зал МАИ был забит под завязку. Ректорат, узнав о том, что Высоцкий даёт концерт, препятствий не чинил. Преподаватели сами хотели послушать его песни.

Потянулись томительные минуты ожидания. Шесть часов, половина седьмого, семь... Наконец, дверь распахнулась, и с гитарой в руках на пороге появился тот, кого так долго ждали.

– Извините, ребята, – сказал он, словно знал всех минимум лет сто. – С поезда только. А он запоздал.

И неожиданно добавил, улыбаясь:

– Здравствуйте – всем!

В зале зашумели, засмеялись. Одна из студенток поднесла в это время Высоцкому граненый стакан водки и соленый огурец.

– Ну, уважили! – удивился бард, и, одним махом выпив полстакана, ударил по струнам.

Больше часа продолжался этот концерт. Он был сплошной импровизацией. Высоцкий пел, рассказывал о том, над чем работает, отвечал на вопросы. И никакой дистанции не чувствовалось между ним и нами.

Закончил он как-то на полуслове:

– Все! Устал. Пойду с вашего разрешения.

Все встали, долго аплодировали опальному барду.

Студпрофком (его как раз и возглавлял Слава) затащил Высоцкого в одну из пустых аудиторий. Здесь опять ему поднесли стопку.

На этот раз он выпил раздумчиво. Выкурил сигарету и неожиданно снова взял гитару. Осмотревшись, увидел, что девушек среди его окружения нет, объявил:

– А теперь – хулиганские!

И тут пошел репертуар, который сегодня бы назвали блатной лирикой. Исполнял Высоцкий и песни одесские, и про Ростов-«папу», и другие, которые уже выветрились из памяти.

А всё это втихомолку записывалось на магнитофон. И вполне вероятно, что те самые записи стали дополнительным компроматом для Владимира Семеновича.

«Спроси любого москвича»

В 1978 году я жил в Ставрополе, работал в книжном из-

дательстве. И вдруг звонит мне по телефону мой приятель, фотокор «Ставропольской правды» Саша Волков:

– Бросай все дела, бери ноги в руки и дуй к нам в редакцию. Через полчаса придут Высоцкий и Всеволод Абдулов. Театр на Таганке на гастроли приехал.

Я сломя голову бросился в «Ставрополку». Успел как раз к приходу артистов. Абдулов был в строгом костюме и при галстукe, Высоцкий – в кожаном пиджаке и джинсах. Впрочем, в другом прикиде я его до сих пор как-то не представляю.

Пресс-конференция включала в себя рассказ о театре, его актерах и репертуаре. Она длилась недолго. Под конец Высоцкий исполнил несколько своих новых песен.

После этого Саша Волков и я вызвались проводить гостей, а заодно показать им город. Но от экскурсии они отказались, сославшись на усталость. Попросили только найти такси.

Пока Саша ловил тачку, я купил бутылку коньяка и марочное вино «Янтарь Ставрополя», которое выпускалось на Прасковейском винзаводе и завоевало много золотых медалей на престижных международных выставках.

Вскоре мы оказались в гостинице. Высоцкий коньяк пить не стал, плеснул себе немного вина и потягивал его, пока мы находились вместе. Был он почему-то мрачным, похоже, со здоровьем имелись проблемы. На это указывала, прежде всего, серая бугристая кожа лица.

Зато Абдулов был в ударе. Он рассказал, каких трудов

Любимову стоило протолкнуть свой самый «шедевральный» спектакль – речь шла о «Гамлете»:

– Кто только ему ни звонил из номенклатуры, когда узнавали, что Гамлета будет играть Володя! «Какой это Гамлет?! – кричали они в трубку. – Это же пьяница из подворотни с пропитым голосом».

Но Любимов всё же сумел отстоять Высоцкого. Роль Гамлета стала его звёздной ролью.

Запомнилась и байка Абдулова об актрисе Алле Демидовой. Абдулов и Михаил Козаков о чем-то беседовали в Доме актера. Неожиданно к ним подошла Демидова.

– Миша, как ты полагаешь, в Высоцком действительно что-то есть? – спросила она Козакова.

Тот поначалу даже опешил.

– Алла, ты в каком веке вообще живешь? – сказал он. – Вся Москва Высоцкого знает, знает его песни наизусть, весь Союз тоже. Хочешь, я тебе его пластинку подарю? Послушаешь – больше таких вопросов не возникнет.

...Когда мы уходили, Высоцкий вроде бы пришёл в себя и простился с нами дружелюбно.

– Спасибо вам за всё, – сказал он. – Будете в Москве, заходите. А вино просто прекрасное. Если бы я не в завязке был, выпил бы бочку.

– А какой теперь у вас адрес в Москве? – спросил Саша

– Адрес? – переспросил Владимир Семенович и усмехнулся. – Спроси любого москвича – он тебе скажет.

Вот и всё. Сумбурный, беспредметный разговор, мало что значащие фразы, ничего существенного. А только запомнились эти короткие встречи. Видимо, всё дело в обаянии личности этого человека.

...А жить Высоцкому оставалось совсем мало. Год спустя, в Бухаре у него прервалось дыхание, пульс не прощупывался. Это была клиническая смерть.

В тот день врач Анатолий Федотов и Всеволод Абдулов спасли Владимира Семеновича. Но летом 1980 года сердце его остановилось...

ЗА НЕДЕЛЮ ДО ГИБЕЛИ

Май 1969 был «урожайным» на новые знакомства. Свободный художник, как называл себя Тоом, был в жесточайшей депрессии. В декабре 1968 года он получил премию журнала «Дружба народов» за блистательный перевод книги очерков эстонского писателя Юхана Смуула «Японское море, декабрь». Однако в личной жизни всё было непросто. Тоом развёлся с дочерью поэта Павла Антольского Натальей, которую он почему-то называл Кипса, а потом с эстонкой, кажется, Ирмой. Ничего не выходило и из романа с горячо любимой мной поэтессой Юнной Мориц.

Я пошевелил извилинами и воспроизвёл её стихотворение «Памяти Тициана Табидзе». Я держал тогда в памяти целую библиотеку, запоминал стихи после первого их прочтения.

– Вот-вот, из-за этого самого стихотворения её и перестали печатать, – сказал Тоом. – А ещё из-за «Кулачного боя». В верхах усмотрели эзопов язык и критику в адрес власть предержащих.

Сам Тоом переводил, как и его мать, в основном эстонскую литературу. С его переводами я был знаком, и они мне нравились. Я сказал об этом моему новому знакомому.

Он обладал многими талантами. В молодости был актёром в студии Арбузова. Выступал во время Великой Отечественной войны перед бойцами вместе с Александром Га-

lichem. Окончил литинститут. Занимался спортом. Писал и свои стихи. Я потом нашёл некоторые из тех, что он читал. Но опубликованного мало.

*Как-то в поезде я ехал,
было в нем пятнадцать окон:
справа – семь и слева – восемь,
прямо выставка картин.
А дорога проходила
через лес и почему-то
справа были – лишь березы,
слева – ели и сосна.*

*Солнце било прямо в крышу,
и темно в вагоне было,
но зато деревья ярко
были все освещены.
И мои пятнадцать окон
все светились, как картины,
что висели аккуратно
в черных рамах на стене...*

Но больше всего мне нравится его «В доме-музее Иоганна Баха»:

*Прославлены и доблесть и геройство,
а я хочу воспеть благоустройство
средневековых маленьких земель,
все эти Эрфурты и Эйзенахи,*

*где так привольно расплодились Бахи
и где на пасху пела карусель.*

*В покоех, расположенных над хлебом,
от клавишинов пахло теплым хлебом,
который никогда не подгорал.*

*Помилуй, Господи! Ведь клавишины —
не просто сумма струн и древесины,
а если так, тогда и хлеб – хорал.*

*Наука хлеба и наука звука
переходили к правнукам от внука,
и если земли затевали спор
о первородстве, то не футболисты
решали этот спор, а органисты
и две земли, сошедшие в собор.*

*Почетом и особыми правами
платили органисту, и дровами,
чтоб к службе не остыл среди зимы.
А он платил приходу сыновьями,
учеными своими соловьями,
весьма изрядно певшими псалмы...*

Он говорил о своих друзьях: о Борисе Слуцком, Давиде Самойлове, Веронике Тушиновой, Эдуарде Колмановском,

и мне, двадцатилетнему, казалось: ещё чуть-чуть – и я попаду в этот круг небожителей. Нет, не попал.

Мы расстались, как и встретились, совершенно непредсказуемо. Я отлучился на непродолжительное время, а когда вернулся, Леонида Тома в кафе уж е не было. Мне сказали, что он встретил какого-то своего знакомого и ушёл с ним, совершенно забыв обо мне.

А вот стихи его не забылись:

Шел снег. Он падал и белел.

А комья черные чернели.

А человек на снег смотрел

и грустно думал:

– Неужели

опять зима, и зябкий вздрог,

и на лице снежинка, тая?

И чей-то чудился упрек,

и снисходительность чужая.

Позже я узнал, что Леон Тоом прожил после этого всего неделю. 4 июня 1969 года он выпал из окна. Это было очень похоже на самоубийство. Или на убийство.

Незадолго до своей смерти он написал:

От любви неразделённой

он не умер, нет.

В комнатушке захламлённой

он лежит, одет.

Рыжий и жестковолосый,

сумрачный с лица...

*Но откуда эти слёзы,
слёзы без конца?*

*Столько влаги, столько соли —
лёт как из ведра...*

*И при этом нету боли,
нету ни черта.*

*Нету мрака, но и свету
нету — вышел весь...*

*Нету, нету, нету, нету —
вот и всё, что есть.*

ВЫЛИТЫЙ ВАСЯ

Когда вышел на экраны фильм «Неуловимые мстители», я служил в армии. Его мне удалось посмотреть только после дембеля. И когда в Ставрополе я увидел афишу о гастролях Васи Васильева, исполнявшего в этом фильме роль Яшки-цыгана, очень удивился, обнаружив с ним некоторое сходство. Вася Васильев был на пике популярности. Фильм и его продолжения имели огромный успех. Народ на его концерты валил валом.

У меня в то время были другие заботы. В третьесортной гостинице некоторое время жила команда легкоатлетов из Эстонии, которые приехали в Ставрополь на какие-то соревнования, а с одной из них по имени Аавих я случайно познакомился. Она плохо говорила по-русски, но мы условились, что я загляну к ней вечером.

В её номере я и обнаружил Васю Васильева. Он, как и спортсменки из Прибалтики, тоже остановился в этой гостинице, и девушки пригласили его исполнить песни, звучавшие в фильме.

Вася увидел меня и застыл, как громом пораженный. Мы действительно были похожи внешне.

– Пойдём в мой номер, – сказал он мне. – Хочу посмотреть на тебя в буденовке.

Я напялил её на себя и встал рядом с афишей, на кото-

рой он был изображен в этом головном уборе. Наше сходство только усилилось.

В этот момент в номер к артисту вошла горничная. Она поглядела на него, потом на меня, и обратилась ко мне:

– Василий Федорович, чай вам принести?

Мы засмеялись. Потом, когда приканчивали вторую бутылку вина, он сказал:

– Если ты начнешь убеждать меня, что у тебя в роду цыган не было, я всё равно не поверю.

А я до сих пор не знаю, какой национальности был мой дед по матери: бесследно сгинувший в начале 20-х годов где-то в застенках ЧК. Может, Вася Васильев и прав.

ТРУДНАЯ АРИЯ

И еще одна случайная встреча примерно в то же время.

Молдавский театр оперы и балета давал гастроли в Ставрополе. А было очень жарко – город буквально изнывал от зноя. И мы с моим армейским другом Володей Муляром безуспешно искали пиво. Его, похоже, всё выпили.

Последней нашей надеждой был буфет Ставропольского драмтеатра. Я знал, как пройти туда с чёрного хода, и мы беспрепятственно туда проникли.

Зал, несмотря на страшную духоту, был полон. Мария Биешу исполняла арию Нормы из одноимённой оперы В. Беллини. Но мы пришли не затем, чтобы насладиться неповторимым голосом оперной дивы. Мы устремились в буфет.

Там было прохладно и было ПИВО. И мы, наконец, утолили жажду.

Рядом за столиком сидел какой-то неприметный человек. Он тоже потягивал пиво и внимательно слушал нашу трепотню. А мы говорили о том, как солистам трудно сейчас приходится – ведь они лишены возможности промочить горло.

– Я передам ваши сожаления Марии Лукьяновне, – сказал он.

Володя, как и я, не понял, кто такая Мария Лукьяновна.

– Биешу, – пояснил незнакомец. – Хотите получить её автограф?

– Ладно, ладно, – видя наше замешательство, успокоил он нас. – Не будем об этом.

Мы с Володей допили пиво и пошли тем же путём, что и пришли. Оглянулись – наш собуфетник следует за нами. И тут какими-то неисповедимыми путями мы повстречались с самой Марией Биешу. Мы впервые видели её так близко. В то время ей было лишь тридцать с небольшим.

– Кто это с тобой, Игнациу? – спросила она.

– Это – мои друзья.

– Вечно ты находишь себе друзей, – сказала певица раздраженно.

Видимо, потому, что не промочила горло после исполнения трудной арии.

СТИХОТВОРНЫЕ ПАСКВИЛИ

На лекциях, когда я перевёлся из полиграфического на истфак Ставропольского педагогического института, занимался тем, что писал стихотворные пасквили. Они посвящались, как правило, преподавателям. Особой популярностью пользовался Трофим Иванович Беликов, который вёл историю России эпохи феодализма. Ему было лет 60, и он буквально терроризировал молодых женщин, заставляя их по нескольку раз сдавать экзамен. И вынуждал некоторых вступать с ним в связь. Я откликнулся на это:

Любитель выпить на ночь

и вроде либерал,

жил-был Трофим Иваныч,

советский феодал.

Лет 60, не меньше,

в причёске – серебро...

Он сквозь очки на женщины

поглядывал хитро...

Кончилось это тем, что кто-то показал мои вирши Беликову. Тот стал ко мне придирааться.

– Ну, всё, доигрался, – сказал мой друг Володя Астапенко. – Теперь он тебя завалит на экзамене.

Его пророчество не сбылось. Я получил пятёрку, хотя отвечал, пожалуй, на самый трудный вопрос о реформах в об-

ласти крестьянской политики. Уже расписываясь в зачётке, Трофим Иванович не удержался и спросил:

– А стихи про меня ты написал?

Я признался, что грешен.

– А ты не мог бы дождаться, когда я закончу? – продолжил он. – Есть разговор.

Я был заинтригован и дождался, когда Беликов освобо-дился. Было уже поздно, все разошлись. На кафедре остава-лись только мы с ним да еще один преподаватель.

– Ты мне нравишься, – признался в любви Трофим Ива-нович. – Выпьешь с нами?

И тут я понял, что он нетрезв. Видимо, в процессе приё-ма экзамена прикладывался к бутылке, причём неоднократно. И что было мне делать, как себя вести в этой ситуации я не знал.

Впрочем, размышлял я недолго. Трофим Иванович натре-нированным движением лишил бутылку девственности и на-бублькал мне полный стакан коньяка.

– Пей, – сказал Беликов, видя мою нерешительность. – Мы уже приняли.

Я выпил и пожелал им доброго здоровья. И предложил сбегать за добавкой.

– Не надо, царственным жестом остановил меня Трофим Иванович. – Сегодня столько спиртного заочники надарили, что месяц можно не просыхать.

И я пожалел, что влил в себя этот несчастный стакан.

Лысый кочегар

На следующий год в нашей группе сменился староста. Кто избрал этого кретина, никто не знал. Скорее всего, сам себя выдвинул.

Он работал кочегаром в какой-то сельской котельной – маленький лысоватый мужичок лет сорока. И безумно меня раздражал. Был, как говорится, к каждой бочке затычка. Рвался отвечать на любой вопрос, не имея о нём никакого представления. Но, что хуже всего, был преисполнен административного рвения. Так ведут себя ефрейторы в армии, уборщицы, дворники и сторожа, воображая себя большими начальниками. Это, наверное, национальная наша особенность – покомандовать другими хотя бы пять минут.

Он прицепился ко мне с вопросом, почему я не присутствовал на предыдущей лекции. Я послал его. Он тогда стал отмечать мои прогулы, и когда их набралось изрядное количество, пожаловался куда-то, кажется, декану заочного отделения. Меня вызвали на ковёр, но всё ограничилось беседой, поскольку я внятно объяснил разницу между работой в редакции газеты и в системе образования.

Но кочегар не унимался. Он продолжал стучать на меня по поводу и без. Тогда я распространил среди студентов-заочников вирши, в которых были такие строки:

*Он усерден до предела,
ко всему всегда готов,*

*жаль причёска поредела
от усиленных трудов.*

Велика его досада.

Не помочь ему, увы:

*не найти нигде рассады
для облезлой головы.*

Кочегар расшвырянул. Он встретил меня на улице и потребовал, чтобы я прекратил его позорить. Я снова его послал.

– Ты пожалеешь, – предупредил меня кочегар.

Я сдал сессию и забыл о его угрозе. И вдруг приходит повестка в суд. Кочегар обратился с иском, требуя привлечь меня к ответственности за оскорбление. Но судья приглашал меня на предварительную беседу.

Я приехал в Ставрополь (жил я тогда в Невинномысске). Судья показал мне «вещественное доказательство» – мои стихи. Я сказал, что текст написан не моим почерком, а главное – никакого оскорбления в них не содержится. То, что причёска у кочегара действительно поредела, видно невооруженным взглядом.

– Но ведь вы употребляете выражение «облезлая голова», – сказал судья.

– Может, это переписчик виноват? – усомнился я. – Да и вообще есть ли свидетели, которые подтвердят, что написал стихи именно я?

– Нет, – сказал судья. – Свидетелей нет. И я откажу (он назвал фамилию кочегара) в возбуждении уголовного дела.

...Диплом кочегару защитить не удалось. Он умер от белой горячки – оказался заурядным пьяницей.

Кальян Хетагурова

То ли на третьем, то ли на четвертом курсе я приехал на летнюю сессию. Шёл по улице, на которой жили мои родители. И встретились с Валею Алиевой. Она окончила институт, вышла замуж, работала в музее Косты Хетагурова – филиале Ставропольского государственного музея, который находился на той же самой улице Дзержинского.

Валя познакомила меня с мужем. Так совпало, что он родом из Невинномысска и учится в том же педвузе, правда, не на историка, а на филолога, и, как и я, приехал на летнюю сессию. И Валя, и он поселились (разумеется, нелегально) в здании усадьбы, где когда-то обитал Хетагуров.

Усадьба была старой, заброшенной, требовался её капитальный ремонт, но денег на это найти не могли. Музей основоположника осетинского литературного языка и первого поэта Осетии фактически был закрыт. Он стал нашей штаб-квартирой. Лекции я не посещал, сдавал только экзамены и зачёты. Точно так же поступал и Володя.

В музее было немало любопытных экспонатов: старинные фолианты, вещи, принадлежавшие Хетагурову. Мы даже пробовали курить из его кальяна.

К дому примыкал фруктовый сад, к тому времени сильно одичавший. Через полуразвалившийся забор нетрудно было

перелезть, и здесь повадились кучковаться юные наркоманы. В милицию Валя и Володя не сообщали, так как жили в музее нелегально. Володя сам гонял юнцов. Я ему помогал.

Однажды мы увидели компанию подростков в окно и вышли из флигеля. Володя прихватил с собой охотничье ружьё Хетагурова, к которому патронов в природе уже не существовало. Но оно тем не менее помогало в деле наведения порядка на прилегающей территории. Помогло и на этот раз. Юнцы после словесной перепалки удалились. Но один из них, убегая, ткнул меня чем-то острым.

Удар пришёлся в руку. Боли я не почувствовал. Кровь увидел, когда мы вернулись. Рана была неглубокой, но из неё лилось, как из водопровода.

Валя перетянула мне руку жгутом. Надо было вызывать скорую, но в таких случаях сразу оповещают милицию, а иметь дело со стражами порядка не хотелось. Начнутся разбирательства, выяснится, что в музее Хетагурова живут люди – потом хлопот не оберёшься.

Ограничились тем, что Володя сбегал в ресторан, откуда доносилась популярная тогда мелодия «Семь сорок», и принёс вина. Чем больше я его заливал вовнутрь, тем меньше вытекало крови наружу. В конце концов, она остановилась.

Когда Володя бегал за вином, Валя сказала мне так:

– Ты, конечно, понял, что я старше Володи. Надеюсь, ты ничего не говорил ему о моих похождениях в прошлой жизни? Я ведь тоже твоих тайн не открываю.

– А какие тайны? – недоумевал я. Валя про меня практически ничего не знала.

– Неужели у тебя ничего не было с моими подругами?

– Нет, конечно, – удивился я. – С их стороны, правда, некоторые попытки предпринимались.

– И ты их отверг? А ведь они утверждали обратное..

– Вот уж нашли чем хвалиться, – сказал я.

Володя был очень ревнив. Валентина вроде бы не давала ему повода, но что произошло в их жизни дальше, не знаю. Мы как-то потерялись в этом мире и больше никогда не встречались.

КОМЕНДАНТША

В Невинномысске я жил в общежитии. Квартиру мне пообещали дать только через год. Узнав о месте моей работы, комендантша – молодая и весьма симпатичная женщина, её звали Анна Петровна, – поселила меня в самую проблемную для неё комнату, где жили одни алкаши. Их было трое, но все, кого к ним прописывали, через пару дней слёзно просили забрать их оттуда. Мне же, как работнику идеологического фронта, было поручено исправить неисправимых.

Как ни странно, я вполне вписался в эту компанию. В ней верховодил Иван, отсидевший 10 лет за убийство и многое повидавший на своём веку. Он был плановой – так именовали тех, кто курил марихуану. Но тогда такого слова в Невинномысске не знали. Конопля, которой было здесь много, называлась планом.

Мне было интересно слушать рассказы Ивана о жизни за колючкой, да и выпить я был тоже не дурак. И я не просил комендантшу меня переселить.

Но она положила на меня глаз. Однажды пригласила в гости под предлогом узнать моё мнение о стихах, которые писал её супруг, работавший прорабом на стройке. А мужа-то дома и не было. Я всё понял, слушая жалобы на то, что детей у них нет, а муж страдает инфантилизмом. Я вышел в ко-

ридор покурить и смылся. Но Анна Петровна не успокоилась. Несколько раз намекала, что будет хорошо, если я нанесу ещё один визит, но я ссылался на то, что устаю на работе. На самом деле это было, конечно, не так.

Потом я сменил пластинку. Сказал, что приезжает невеста. И комендантша неожиданно растрогалась. Сказала, что поселит нас в одной комнате, но для этого мне надо возглавить совет общежития. Я согласился.

Работа эта была необременительной. Заключалась она обычно в том, что мы с комендантшей обходили комнаты, проверяя их санитарное состояние, да клеймили позором нарушителей порядка. Лучшая комната достаивалась какого-нибудь приза. Например, настольными играми.

Как Иван сам себя в вытрезвитель сдал

Моя «невеста» всё не приезжала. Но я уже жил в отдельной комнате. Иван часто заглядывал мне в гости.

Однажды он крепко поддал. Анна Петровна его засекала.

– Пил? – спросила она.

– Пил, – честно признался Иван.

– Ну а раз пил, – заключила комендантша, – иди и добровольно сдавайся в вытрезвитель. Если справки оттуда не принесёшь, завтра же выселю. И с работой тоже распрощаешься.

– Да ведь меня после выпрямителя и так выгонят, – попытался Иван разжалобить Анну Петровну. Я больше не буду.

Честное пионерское.

– Ничего не знаю, – сказала комендантша. – Вот телефон, звони, вызывай милицию.

Так Иван и вынужден был поступить. Через двадцать минут прибыли два дюжих сержанта.

– Кто вызывал вытрезвитель? – спросили они.

– Я, – скромно сказал Иван.

– А где пьяный? – последовал ещё один вопрос.

– Это тоже я, – таков был ответ Ивана.

Неизвестно, что лучше

Как-то в общагу пришел читать лекцию из общества «Знание» заезжий лектор. Лекция посвящалась борьбе с пьянством, но никто на неё не шёл. Было воскресенье, все пропадали на пляже. И тогда мы пошли по комнатам, причём разделились. Анна Петровна отправилась стгонять женщин, а я – мужиков.

Перед этим я её спросил:

– Если будут пьяные, их тоже вести?

– Веди, – сказала комендантша. – Им полезно будет послушать.

И я привёл в основном уже тех, кто принял на грудь. Но это были ещё цветочки. Когда явился лектор, стало понятно, что он тоже явно нетрезв. Лектор понёс такую ахи-нею, что уши вяли. Впрочем, пьяницам было всё равно. Они обеспечивали массовку, и мероприятия состоялось.

После этого Анна Петровна строго спросила лектора:

– Разве вам не стыдно пропагандировать трезвый образ жизни, когда сами еле языком ворочаете?

– А что лучше? – вопросом на вопрос ответил он. – Выступать перед пьяными трезвым или наоборот?

ЧТО-ТО ВРОДЕ МЯСОРУБКИ

Было это в ноябре 1970 года. Радио и телевидение трубили всюю об очередном «крупном достижении советской космонавтики» – доставке на спутник Земли автоматического аппарата «Луноход-1», ни слова не говоря о том, что американцы уже оставили там свои следы.

Редактор нашей многотиражки «Химик», Иван Захарыч (мы звали его Захрычом), собрал весь личный состав и строго-настрого наказал в очередном номере напечатать информацию об этом эпохальном событии.

– И желательно с фотографией, – добавил он.

– Да где ж я её возьму? – воскликнул фотограф Иван Костенко. – Это мне надо на Луну слетать. Оплатите командировку?

– Без истерик, пожалуйста! – оборвал его редактор. – По телевизору «Луноход» показывают, вот и щёлкни.

И Костенко отправился домой – дежурить у телевизора.

На следующее утро, едва только принесли свежий номер «Химика», в редакции раздался тревожный телефонный звонок.

– Где Захарыч? – не здороваясь, спросил секретарь парткома Балин.

– Нет его, – ответила машинистка. – И услышала гневную тираду:

– Поглядите на первую страницу. Что это вы там изобразили?

Надя взяла в руки газету. И обомлела: печатники перевернули «Луноход» вверх ногами. Это было нечто, очень напоминающее... мясорубку.

Рядовые читатели, к счастью, не звонили. Им было как-то фиолетово, что там по Луне ползает. Их больше заботило состояние очереди за колбасой.

Военно-половой ляп

Корректора в нашей многотиражке не было. На нём экономили. По четвергам редактор отправлял меня и второго литсотрудника Славу Стадниченко в типографию. Торчать там приходилось довольно долго, а Слава больше часа на одном месте усидеть не мог.

– Может, выйдем на «Орбиту»? – предлагал он («Орбитой» называлось ближайшее питейное заведение).

– Давай повременим, – уговаривал я его. – Сделаем дело – тогда.

Но Слава настаивал, и мы, перехватив по стакану портвейна, теряли бдительность. Опечатки шли косяком, за что на следующее утро получали очередной разнос.

После телефонного звонка из парткома (газету там читали значительно внимательней, чем мы), редактор, побагровев и сдвинув очки на лоб, что свидетельствовало о его крайнем негодовании, задавал сакраментальный вопрос:

– Сколь раз в «Орбиту» заглядывали?

– Всего два раза, – оправдывались мы (на самом деле это было не так).

– А почему же тогда в передовице «ацетон пошёл на отдых», а не в отходы?

Тут подоспел праздник – День Советской Армии. По этому случаю выпустили номер. В нём в числе прочих материалов была напечатана заметка об одной медсестре-фронтовичке.

В пятницу она позвонила в редакцию.

– Зачем вы так надо мной посмеялись? – спросила она.

– Мы? Над вами? Даже и не думали, – растерянно проговорил я.

– Нет, обидели, обидели. И еще как! Дальше некуда. Вы прочитайте заметку внимательнее. Особенно шестую строку сверху.

Мы со Славой развернули свежий номер многотиражки и прочитали: «Во время войны Евдокия Дмитриевна работала в ВОЕННО-ПОЛОВОМ госпитале». «Ляп» на удивление прошёл больше никем не замеченным.

Пшеница справа, пшеница слева

Но жизнь продолжалась. Мы дожили до Первомая, потом до Дня Победы. Отметим, естественно, и все остальные праздники, коих была тьма-тьмушая. Но приближался очередной – День работников сельского хозяйства.

– Выпустим разворот, – сказал редактор. – О связях химиков с тружениками полей.

Мы со Славой настороженно молчали. Эта задумка не вызывала энтузиазма.

Редактор распределил обязанности. Поручил фотографу сделать снимок с пшеницей, выращенной без внесения в почву минеральных удобрений, и пшеницей «химинизированной».

– Да где ж я на одном поле такую найду? – возроптал фотокор Леша Легеза (Иван Костенко уволился незадолго до этого).

– Я что – должен тебя учить? – ответил Захрыч. – Клей у тебя есть? Из двух снимков один сделаешь?

Мне выпадала самая сложная миссия.

– Напиши письмо от имени колхозников, – сказал шеф. – Пусть поблагодарят химиков за то, что урожаи растут.

– А у нас такого письма нет, прискорбно ответил я. – За ним нужно куда-то ехать.

– Ехать некогда. Да и незачем. Возьми да сочини.

– Ну, нет! – возмутился я. – Это же ведь натуральный подлог!

– Делай, как я сказал! – прикрикнул редактор. – Ответственность беру на себя.

– А подписи? – не унимался я.

– Придумай, какие хочешь. Фантазии, что ли, не хватает?

Вскоре материалы для газетного разворота были подго-

товлены. За исключением одного – письма колхозников.

– Ничего у меня не получается, – чистосердечно покаялся я. – Не могу – и всё.

– Ладно, – смилостивился редактор. – Молодежь, что с вас взять? Это же так просто...

И стал диктовать машинистке:

– Мы, колхозники колхоза «Кубань», с большим удовлетворением...

Через несколько минут письмо было готово. Но тут редактору кто-то позвонил, и он, нахлобучив шляпу, выбежал, на ходу бросив мне, чтобы подписи колхозников я придумал сам.

На глаза попала газета с сообщением о том, что состоялось отчетно-выборное собрание Ставропольской писательской организации. И я добросовестно переписал несколько фамилий из числа выступивших в прениях и добавил: «колхозники колхоза «Кубань».

Леша Легеза в это время принёс снимок пшеничного поля. Склеен он был из двух частей, но Леша клялся, что на газетной полосе это будет незаметно. С ним никто не спорил: качество печати в местной типографии было таким, что, скорее всего, не будет заметна и сама пшеница.

Всё вроде бы шло, как надо. Проверив заголовки, мы со Славой дали «добро» печатникам и с чувством исполненного долга разошлись по домам.

Поздно вечером в дверь моей квартиры позвонили. На по-

роге стоял Слава.

– Одевайся, – сказал он. – Поедем в типографию.

– Что случилось? – спросил я. А случиться должно было что-то совершенно непоправимое.

– Все очень просто, – объяснил Слава. – На этой чёртовой фотографии всё не так. Там слева должна быть пшеница с удобрениями, а она – справа...

Мы поехали в типографию. Набор уже рассыпали, а в ночную смену линотиписты заново набирать материалы не собирались. Они помогли лишь тем, что отлили в виде печаток слова «слева» и «справа».

– Вот сидите и штемпелюйте, – напутствовали они нас. И нам пришлось заниматься этим почти всю ночь. Пальцы были в мозолях.

Колхозники-писатели

Но неприятности на этом не кончились. Недели через две приехал в Невинномысск писатель Вадим Чернов. Он работал над книгой о химиках, о строительстве самого крупного по тому времени в стране комбината по производству минеральных удобрений. Заглянул и к нам в редакцию, попросил разрешения полистать подшивку.

Изучал он её дня два или три. Что-то выписывал, а потом уехал. Через год книжка вышла. Называлась она «Хлеб для земли».

Вскоре бородатый Вадим, который представлялся не ина-

че, как «простой советский Хемингуэй», снова объявился в Невинномысске.

– Аферисты! – взял он с места в карьер. – Это же надо так подвести человека!

Мы недоумевали.

– Я теперь ни одному писателю в глаза посмотреть не могу, – заявил Вадим. – Все считают, что я их специально в колхозников переквалифицировал. Никто со мной не здоровается...

И тут до нас дошло. Чернов добросовестно процитировал письмо, сочиненное редактором. Вместе с подписями.

– Зря они так на тебя нападают, – сказал я, имея в виду марателей бумаг. – Колхозники – такие же равноправные граждане, как и они.

Впрочем, Вадим на нас долго не обижался. Искушая свою вину, мы сбегали в магазин, а вечером еле-еле втащили «простого советского Хемингуэя» в рейсовый автобус. При этом он заметил, что хоть мы и аферисты, он нас всё равно уважает...

ИСТОРИЯ ТАБАКЕРКИ

Об этой истории я вспомнил после того, как по НТВ посмотрел передачу «Следствие вели...» с Леонидом Каневским. Речь в ней шла об убийстве актрисы Зинаиды Райх, и в памяти сразу же всплыла встреча с сыном Сергея Есенина и Зинаиды Райх Константином Есениным.

В 1972 году Константин Сергеевич был главным специалистом Госстроя РСФСР и по каким-то строительным делам приехал в Невинномысск. Я же знал Есенина как футбольного статистика и даже не подозревал о его звёздных родителях.

Но информация о приезде Есенина до меня дошла. Мы со Славой Стадниченко явились в гостиницу, где остановился гость из Москвы, прихватив бутылку коньяка. Познакомились, а после того, как Слава дважды сгонял в магазин за подкреплением, Есенин и рассказал эту историю.

Собственно, она не является тайной. В ночь с 14 на 15 июля 1939 года Зинаида Райх была убита. Это случилось спустя 24 дня после ареста её мужа – Всеволода Мейерхольда. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны в июле 1941 года обвиненные в убийстве В. Т. Варнаков, А. И. Курносов и А. М. Огольцов.

Вот, собственно, и всё, что сообщалось об этом в газетах. Но Константин Сергеевич владел более обширной информа-

цией. В июле 1939 года ему было 19 лет, он с сестрой Татьяной находился в тот день на даче в Балашихе. По его словам, милицию вызвал дворник Сарыков. Он услышал крики в квартире Райх, но дверь ему не открыли. Тогда он приставил лестницу к окну на втором этаже и увидел два окровавленных тела.

Второй пострадавшей оказалась домработница Лидия Чернецкая. Её ударили по голове, и она потеряла сознание. Нападавших она не видела. Из квартиры ничего не пропало, за исключением черепаховой табакерки в золотой оправе, которую Мейерхольд привёз из-за границы и подарил жене — в то время было модно нюхать табак.

Довольно долго преступников не могли найти. Потом за драку были арестованы Владимир Варнаков и Анатолий Огольцов. Выяснилось, что не поделили они студентку художественного училища Юлию Матюхину. Но оказалось, что Варнаков скрыл своё прошлое. В 1932 году он был осуждён за кражу на 5 лет лагерей.

На квартире его произвели обыск. И нашли ту самую табакерку. Или не ту. Не удивительно, что вся троица призналась в соучастии в преступлении. В тридцатых годах под пытками признавались и не в таких грехах. Суд не обратил внимания на то, что Варнаков утверждал, будто взял шкатулку из кабинета Мейерхольда. Но он был закрыт и опечатан, и проникнуть в него, не нарушив печать, было нельзя. И обвиняемые получили по полной программе. Варнаков был осуждён

на 15 лет, Огольцов и Матюхина — на семь. А потом их, за исключением Матюхиной, расстреляли.

Но история продолжалась. Кто-то прислал анонимный донос на соседа Зинаиды Райх по дому в Брюсовом переулке. В этой анонимке утверждалось, что черепаховую табакерку видели у оперного певца Дмитрия Головина. Эти сведения подтвердились. Табакерку, абсолютно идентичную той, что изъяли у Варнакова, по словам Головина, подарил ему его сын Виталий.

Фамилия Головин показалась мне очень знакомой.

— А он случайно не из Ставрополя? — прервал я рассказ Константина Сергеевича.

— Да, оттуда, — сказал он.

Земля тесная. Оказалось, что Дмитрий Данилович Головин приезжал в Ставрополь в 1964 году, когда я ещё учился в школе. Он побывал на своей родине в селе Безопасном Труновского района и заглянул в гости к давнему другу — артисту Ставропольского драмтеатра Михаилу Кузнецову, а я поддерживал приятельские отношения с сыном Кузнецова Гошей. В тот день я был у них дома, и мы стали свидетелями разговора двух друзей, из которого стало понятно, что Дмитрий Головин десять лет провёл в ГУЛАГе.

— Его всё-таки осудили за убийство вашей матери? — спросил я.

— Нет, приговорили к расстрелу его сына Виталия — пояснил Константин Сергеевич. — Тот признался, что убил

маму. А Дмитрия Даниловича посадили позже — во время войны. Кажется, за какой-то анекдот. Но я думаю, НКВД таким образом убирало лишних свидетелей. Жалко Головина-старшего. Он был прекрасным певцом. Мы переписывались с ним, он жил под Туапсе, а умер в 1966 году.

— Так кто же настоящий убийца? — задал я вопрос Константину Сергеевичу.

— Люди Бери, — ответил он после некоторой паузы.

У него были все основания так думать. Уже после войны, где сын Есенина получил три ранения, его пригласили в НКВД. Следователь интересовался судьбой архива Мейерхольда, который дети Есенина спрятали на даче в Балашихе.

— И вдруг, — рассказывал Константин Сергеевич, — он вынимает из кармана портсигар. Я его сразу узнал — он принадлежал отчиму, Мейерхольду, и был куплен им вместе с табакеркой. Не знаю: случайно это было сделано или специально. Скорее всего, специально, чтобы показать могущество НКВД и вынудить меня указать, где находится архив отчима.

Впрочем, во всеильности карательных органов дети Есенина убедились значительно раньше. Их выселили из просторной квартиры в Брюсовом переулке, а в ней прописались одна из бесчисленных любовниц Бери, 18-летняя Вардо Максимилишвили и его личный шофёр.

Я до сих пор удивляюсь, почему Константин Сергеевич откровенничал с нами. Наверное, что-то располагало в нас,

и это было приятно.

Потом мы ещё дважды (уже без Славы) встречались с Константином Есениным, переписывались. Он умер в 1986 году. Ну а тайна смерти Зинаиды Райх по-прежнему остается тайной. У чекистов много тайн, которые не поддаются расшифровке.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Позже я работал в редакции заводского радиовещания. Она находилась в здании заводоуправления и была оснащена хорошим по тем временам оборудованием. Имелся портативный магнитофон и неплохой микшерский пульт. А секретарь комитета комсомола химкомбината, Валера Галиндабаев (бурят по национальности), сказал мне однажды:

– Слушай, ведь твою аппаратуру спиртом промывать надо. Сходи к секретарю парткома, попроси, чтобы он написал соответствующую бумагу. А за мою подсказку будешь меня опохмелять, если нужда такая возникнет.

Я пошёл к секретарю парткома, фамилия которого была Балин. Он выдал нужную бумагу. И я получал ежемесячно по две трехлитровых банки спирта.

Но этого количества для промывки аппаратуры все равно не хватало. Утром ко мне тянулись страждущие со всего заводоуправления. Каждому из них тоже требовалось промывание. Несмотря на то, что я заблаговременно включал табло, где высвечивались слова «Тихо! Идет запись», начинали недуром ломиться в дверь. И я вынужден был открывать...

Однажды я, закончив запись передачи, не стёр предыдущую – обычно нужно было воссоздать тишину на 1—2 минуты. И вышло так: после слов «Вы слушали передачу редакции радиовещания Невинномысского химического ком-

бината, всего доброго, товарищи!» раздался как бы пронзительный истерический крик – там была другая запись, и певец как раз взял высокоую ноту. Потешались надо мной долго. Особенно Галиндабаев.

Но я ему все-таки отомстил. Как-то на заседании комитета комсомола, где я присутствовал, не было кворума. Ждали опоздавших и трепались обо всём понемногу. Речь зашла и об экстрасенсах. И я не утерпел, говорю: ничего тут сложного нет, могу это продемонстрировать.

Мне, понятно, не верят. Но я уверен в себе. Предлагаю написать на бумажке названия двух пород обезьян, прочитать первую, а вторую я угадаю.

Я вышел, постоял немного, возвращаюсь. Комитетчики ждут. Спрашиваю их:

– Какая первая порода?

– Горилла! – выпаливает Галиндабаев.

Я подхожу к нему, протягиваю руку.

– Рад познакомиться, – говорю. – Моя фамилия – Степанов.

Что тут было! Галиндабаев действительно походил на гориллу.

ЛУННАЯ СОНАТА

Слава Стадниченко женился, когда ему было 38 лет. Его избраннице, Ларисе, было лет на десять меньше.

Слава жил в большом казачьем курене, построенном его прадедом. Свадебный стол накрыли в саду..

Я был свидетелем со стороны жениха, и мне пришлось вникать в тонкости казачьих обрядов. Но всё было сделано, как надо. Дед Славы, который чтит традиции предков, остался доволен. Он зорко следил за тем, чтобы все осушали бокалы, приговаривал при этом:

– Кто не пьёт, бо хворый, бо подлюка.

После этого пили все.

Вино лилось рекой. Была уже поздняя ночь, когда гости стали расходиться. Хотел уйти и я, но Слава попросил остаться. Сказал:

– Пойдём побродим. Я очень устал от этой суеты.

– Ты в своём уме? – попытался я пресечь его намерения. –

У тебя же первая брачная ночь.

Но Славу переупрямить было крайне трудно. В нём текла казачья кровь. И мы отправились на прогулку. Слава пообещал, что через полчаса он уже придёт в норму и вернётся.

Ночь была лунная. Мы шли тёмными окраинными улочками, которые ещё сохранили дух станицы, и вдруг перед нами замаячила какая-то тёмная и не вполне трезвая личность,

находящаяся примерно в таком же состоянии, как и мы. Она произнесла:

– Я заблудился. Вы не знаете, где улица Лунная?

– Лунная? – переспросил Слава. – Ты что, с Луны свалился? У нас в Невинномысске такой улицы нет.

– Как нет? – удивился мужик. – Есть!

– Я тут каждый закоулок знаю, – начал спорить Слава. – Нет такой улицы.

– Может, и нет, – согласился мужик. – Может, это народное название. Но там «Лунную сонату» гонят.

– Какую ещё такую «Лунную сонату»? – настал черёд удивиться мне.

– Нормальную. Градусов под шестьдесят.

Это была подсказка. Слава врубился.

– Теперь я понял, – сказал он. – Я знаю это место. Тётя Клава действительно гонит самогон, но продаёт его из конспирации только по ночам. Поэтому его, наверное, и назвали «Лунной сонатой».

Слава привёл нас к дому самогонщицы. Мужик взял бутылку первача и солёный огурец на закуску. Он угостил нас, и мы отметили хорошее качество «Лунной сонаты». Но Славу развезло так, что мы с мужиком еле-еле довели его до дома.

У калитки нас встречала очень сердитая Лариса.

– Откуда вы такие хорошие? – спросила она.

– Почти с Луны, – гордо ответил я. – А что, разве не вид-

но?

На второй день свадьбы Слава на вопрос, как он себя чувствует, ответил так:

– Первая брачная ночь была перенесена по техническим причинам.

ОНИ НЕ ВЕРИЛИ

Брат Кочубея был тогда ещё жив

В 1957 году прах Ивана Кочубея, повешенного белогвардейцами, был торжественно перенесен со старого кладбище на новое. Я жил тогда в Буденновске. Не помню точно, когда это было, скорее всего, весной, а не во время летних каникул.

Когда вскрывали братскую могилу, где были погребены тела Кочубея и большевиков, казнённых ранее, туда, кроме родственников Кочубея, никого не допускали. Оpozнaвание по остаткам одежды производила сестра Ивана Антоновича. Но у него было три сестры – Мария, Олимпиада и Варвара, и какая из них выполняла эту скорбную миссию, неизвестно.

Надо сказать, что тогда, кроме сестер героя Гражданской войны были живы и два его брата – Илья и Порфил, а также многочисленные племянники. В 1919 году погибли только отец Кочубея, который истёк кровью после ранения (краевед Владимир Сербиненко утверждал, что он был замучен в белогвардейских застенках, но это не так), и брат Антон. Ещё один брат, Степан, пропал без вести в годы Великой Отечественной. Порфил жил в Ставропольском крае, в Невинномысске, однако из-за болезни в 1957 году в Буденновск не приезжал.

Об этом много позже, я узнал от его сына, Петра Перфильевича (получая паспорт, он не заметил ошибку в отчестве,

пытался потом её исправить, но столкнулся с таким крючкотворством, что вынужден был закрыть на всё глаза). Встреча в Невинномысске с родственниками героя (в 1972 году был жив и Порфир Антонович) не носила какой-то плановый характер. Всё произошло совершенно случайно.

Петру исполнилось тогда 33 года. Он был похож на своего дядю, каким он предстаёт перед нами на фотографиях. Я был у него в гостях и услышал много удивительного. К сожалению, записывал рассказы Порфира Антоновича и его сына на магнитофон. Но тогда магнитофоны были плёночные, запись не сохранилась. Как не сохранились и фотографии. Кроме одной-единственной, на которой изображены Иван Кочубей с Петром Чикильдиным.

Порфир Антонович до самой смерти своей не верил, что брата его казнили. Он считал, что Олимпиада (по его мнению, именно она проводила опознание) могла и ошибиться.

– Мала была Липа, Ваньку-то и не помятала (не помнила, – С.С.-П.), як треба, – говорил он на суржике. – И про одёжу, в яку вин рядился, – звидки (откуда, – С.С.-П.) вона знала?

А Пётр, когда отец ушел спать, рассказал такую историю.

– Во время Великой Отечественной войны до отца дошли слухи, что Иван Кочубей жив, что его из лагеря перевели в Краснодарскую тюрьму. От него требовалось, чтобы народный герой (легенда о его чудесном спасении уже якобы была сочинена) обратился к кубанским казакам с призывом встать

на защиту родины. В НКВД эти слухи не опровергли, но взяли с отца подписку о том, чтобы он эти слухи не поддерживал и вообще молчал о своём брате.

– И ты сам в это тоже веришь? – спросил я. – Ведь есть убедительные свидетельства, что 22 марта 1919 года белые казнили именно Кочубея.

– История порой преподносит такие сюрпризы, что дальше некуда, – сказал Пётр. – Мне кажется, версия, что вместо Кочубея казнили кого-то другого, вполне имеет право на жизнь. Вот ответ мне на вопрос, почему во время войны, когда восхваляли подвиги наших предков, начиная с Александра Невского и Дмитрия Донского, про Кочубея ни слова? Симптоматично? А теперь ещё теплее. Аркадий Первенцев, когда писал свой роман, зачем-то ездил в командировки в Норильск и Магадан. Зачем? Не догадываешься? Одно из двух: либо был жив сам мой дядюшка, либо его ближайшие сподвижники. Куда, к примеру, делся Петр Чикильдин? О нём вообще никаких упоминаний, кроме стихотворения, написанного краснодарским поэтом Иваном Беляковым. Но о Чикильдине тот узнал со слов отца.

Как и Пётр, как его отец, который скончался в 1977 году, я тоже тогда во многом стал сомневаться.

Были друзья, стали враги

подавляющее большинство историков считает, что Иван Кочубей действительно был казнён. Но есть вопросы. При

вскрытии братской могилы и извлечении останков Кочубея не было квалифицированных патологоанатомов, вообще всяких судебных медиков. Почему? Все ограничилось только опознанием останков сестрой Кочубея. Но как она спустя почти сорок лет после казни брата могла вспомнить, во что он был одет? Нет никаких свидетельств того, что родственники Кочубея присутствовали на его повешении. Разве что только жена, которая была арестована вместе с Иваном Антоновичем. Судьба её тоже, по сути дела, неизвестна.

Разумеется, во время войны, когда руководство страны сомневалось в благонадежности кубанских казаков, многие из которых воевали на стороне белых и эмигрировали, сделать ставку на Ивана Кочубея было своего рода козырной картой. Тут вариантов много. Даже если настоящего Кочубея казнили в 1919 году, можно было подыскать Кочубея фальшивого, обучить его соответствующим образом, придумать легенду чудесного спасения, запугать родственников или вообще их устранить и так далее.

Что реально в этом? Прежде всего, фигура друга-врага Кочубея Андрея Григорьевича Шкуро (19 февраля 1886—16 января 1947). Это была уникальная личность. Шкуро получил блестящее образование. В царское время проявил себя на Кавказе, ликвидируя банды, проникавшие из-за границы, а когда началась Первая мировая война, прославился своей храбростью. Сформированный им Кубанский конный отряд особого назначения наводил ужас на врага. В этом от-

ряде служил и Иван Кочубей. И Шкуро с ним подружился. Что объединяло неграмотного казака с человеком голубых кровей, сегодня не знает никто. Я рискну выдвинуть свое предположение: безумная храбрость, готовность пожертвовать собой во имя родины.

Но после прихода к власти большевиков бывшие друзья стали врагами. Шкуро примкнул к Белому движению, Кочубей – к красным. И Шкуро добивается гораздо более весомых успехов, чем Кочубей. В ноябре 1918 года он назначается начальником Кавказской казачьей дивизии и получает чин генерал-майора. В станице Баталпашинской (ныне Черкесск, я жил здесь с 1974 по 1980 годы) Шкуро организовал производство снарядов, патронов, сукна, кожаных сапог, бурок и шуб для Белой армии. В Зеленчуке по его же приказу началось строительство лесопильного завода для восстановления разрушенных станиц. Кочубей, увы, прославился в основном как анархист.

Шкуро представлял для Сталина реальную опасность, поскольку сотрудничал с гитлеровцами. В 1944 году он был назначен начальником Резерва казачьих войск при Главном штабе войск СС, зачислен на службу как группенфюрер СС (чин, соответствующий генерал-лейтенанту). Подготовленные им казаки жестко подавляли выступления партизан в Югославии.

Так что совсем не случайно Сталин и его окружение, вероятно, вспомнили о Кочубее. Без него, правда, обошлись.

Шкуро был выдан англичанами СССР и повешен в 1947 году. Необходимость в появлении Кочубея отпала. Но архивные документы, касающиеся Шкуро и Кочубея, до сих пор не рассекречены. Интересно, не правда ли? Я, имея допуск для работы в архивах, затребовав нужные материалы, тот час же получал отказ. Всё было точно так же, когда я хотел ознакомиться с делом Валленберга, который, по некоторым данным, скончался от цинги в одном из лагерей Горьковской области. Один, к сожалению, сценарий утаивания нашей истории.

БЛОХА, НО НЕ ПО ЛЕСКОВУ

В Черкесске я жил сначала в гостинице, но там меня обокрали. Вытащили деньги, сняли со спящего часы. Тогда я поселился в общежитии завода резиновых технических изделий. Это была рабочая общежитии с такими же нравами, как и в Невинномысске.

Мой сосед по комнате по фамилии Блоха работал на заводе, а в свободное время чинил часы. Узнав о том, что у меня часы украли, подарил мне собранные им самим из запасных частей. И надо сказать, они были у меня долго и шли исправно.

ГЕОРГИЙ МИРОНЕНКО

Меня определили в отдел промышленности, строительства и транспорта областной газеты. Этим отделом заведовал Георгий Тимофеевич Мироненко, обаятельный и добрейшей души человек, профессионал своего дела, хотя никаких институтов не кончал.

Он воевал в Заполярье. Немцы подбили его самолёт, он загорелся. Мироненко получил сильные ожоги. В одном унте он двое или трое суток добирался до своей части.

После первой же зарисовки о бондарях, которую я написал под псевдонимом, поскольку так случилось, что один из героев моего материала был мой однофамилец, Георгий Тимофеевич сказал мне:

– Я беру тебя, потому что вычеркнул всего три слова.

И я был принят без испытательного стажа. Это происходило в сентябре, а в декабре меня из младшего литсотрудника перевели на должность старшего корреспондента, минувя должность просто корреспондента. И я стал выдавать больше всех строк. Это весьма ценили, поскольку наша газета считалась газетой второй категории (она выходила пять раз в неделю). Штат редакции был почти вдвое меньшим, чем у областных и краевых газет первой категории, выпускавшихся шесть раз в неделю. Каждый литбоец был на счету, и почти всегда приходилось работать за себя и «того пар-

ня». Нагрузка была сумасшедшей, если учесть, что маленькая область, где проживало всего 480 тысяч человек, была изъезжена и исхожена вдоль и поперёк, а повторы в тематике и сюжетах отнюдь не приветствовались.

Узнав, что я живу в общежитии, Мироненко неожиданно предложил:

– Слушай, перебирайся ко мне. Квартира просторная, нас всего трое: я, жена и дочь.

Я стеснялся. Отнекивался. Но однажды мы с Мироненко поехали в командировку вместе. Возвращались уже поздним вечером, и он всё же настоял, чтобы я переночевал у него. И я познакомился с его семьёй. Его жена была сербка по национальности. Её звали Милиция Брониславовна. Она работала врачом-офтальмологом.

Своих детей у четы Мироненко не было. И они удочерили девочку из детдома. Тогда ей было лет 13—14, и она знала, что она – приёмный ребёнок. И вела себя крайне вызывающе. Мироненко жаловался, что не может на неё повлиять.

Девочку эту красавицей назвать язык не поворачивался. Выражение её лица было почти всегда злобным, на любое замечание реагировала неадекватно. Мне же удалось установить с ней контакт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.